

Статья из NY Times
NY Times, 27 июня 1998 г.

Карлосу Кастанеде, везде, где Вы есть Кейт Томпсон

Когда я услышал, что в свидетельстве о смерти написано, что его работа - школьный учитель из Беверли Хиллс, я был удивлен. Но это не стало неожиданностью. Почему слухи относительно смерти Карлоса Кастанеды не должны быть преувеличенными, как его жизнь?

О смерти Кастанеды было сообщено неделю назад, двумя месяцами после того, как это произошло. Он должен быть восхвален, в его сноске в истории, как один из наиболее известных, очаровательных и непримирительных обманщиков столетия. И я никогда не буду знать наверняка, этот ли это Карлос, которого я встретил тем днем пять лет назад, или какой-то другой не-Карлос.

Кастанеда согласился на интервью для Paris Review. Редактор, Джордж Плимптон, сказал, что, насколько он знает, это будет первое записываемое общение с легендарным антропологом-магом-автором за два десятилетия.

Господин Плимптон хотел знать, готов ли я разговаривать с культурным идиолом, чья одержимость секретностью сделала Сэлинджера и Рунчон'а бушующими экстрове́ртами по сравнению с ним.

Еще бы.

Мне было 14 лет, когда Кастанеда двигался из анонимности graduate школы в 1968-й с книгой "Учение Дона Хуана: Путь Знания Индейцев Яки", первой из серии хроники его "ученичества" у индейца Яки - мага по имени Дон Хуан Матус. Книги сенсационно описывали столкновения со стофутовыми комарами, человеческие головы, превращающиеся в ворон, автомобили, исчезающие среди бела дня, один и тот же лист, падающий четыре раза.

На их фоне утверждения Кастанеды были забавными. Именно по этой причине, они были эпистемологическим светлым потоком для поколения, которое горело обнаружением новых фактов, нового

сознания - поколения, горящего для опыта, поскольку это было сильно.

Когда Истеблишмент ударял Кастанеду, это только доказывало, что он был в порядке. Попытки объяснить его приключения как навеянными пейотом, только делали перспективу пейота более дразнящий. "Учение Дона Хуана" дали моему поколению проблески того, что воскресно-утренняя религия казалась определенно прививающей против - против священного, сокровенного и личного.

Четвертью столетия позже, литературный агент Кастанеды настаивал на основных правилах в стиле Howard Hughes - никаких фотографий или магнитофона. (Расслабьтесь; наймите стенографистку.) Интервью происходило в конференц-зале в скромном офисе в Лос-Анджелесе.

Лицо, представившееся мне Карлосом Кастанедой, было заразительно оживленным. Его глаза были большими и ясными. Возможно, они были серыми.

Так как я был на задании литературного журнала, я стремился к Кастанеде, чтобы поговорить относительно его творческого процесса.

Когда, как, где Вы пишете, и почему? Он вежливо отошел от ответа, говоря, что Дон Хуан объяснил ему важность "стирания личной истории".

"Больше всего вы идентифицированы с идеями людей относительно того, кто вы и как вы будете действовать", сказал он. "Большое ограничение на вашу свободу."

(Совет Биллу Клинтону: Если обстоятельства становятся более жесткими, попробуй "преимущество мага".)

Кастанеда провел остаток интервью, перечисляя истории, которые сделали его знаменитом. Как он встретил неуловимого Дона Хуана на автобусной станции в Аризоне. Как старый индеец привел его к пониманию, что существует больше чем одна реальность, и такая вещь подобна магии, что не является иллюзией. Ничего нового; это было все в его книгах.

И при этом я не был удивлен, когда Кастанеда с непроницаемым лицом настаивал, как он делал три десятилетия, что Дон Хан не был никаким вымыслом его воображения.

Я - антрополог, сказал он.

Я не был уверен, смеяться ли, зевать - или аплодировать. Пытаясь, насколько я мог, я не мог сделать мой ответ Кастанеде, влезающий в какие-нибудь одни рамки.

С одной стороны, духовная сила его книг не требует, чтобы Дон Хуан был чем-то другим нежели аллегория. Однако, мое исследование до интервью, изменило убедительную очевидность, что аспирант Кастанеда говорил открыто и с большими деталями относительно его приключений с Доном Хуаном шестью годами даже раньше публикации "Учения". Если он делал Дона Хуана полностью вне датировки со всей тканью, он делал так заранее, когда он не имел очевидную потребность к этому. Так в терминах правдоподобия я намеревался вырезать его некоторую слабину.

Затем, ближе к концу интервью, Кастанеда допустил оговорку, что его седого наставника больше нет. Прижатый, он подтвердил, что Дон Хуан выбрал "сдвинуть свою точку сборки из ее фиксации в обычном человеческом мире". Учитель "сгорел изнутри".

Я понял это так, что старый простак (old coot) скрылся из исчерпанной линии графика.

Возможно, сообщение Кастанеды об уходе Дона Хуана встретило бы образец Кеннета Старра для утечки в Newsweek. Но я не мог обвинять господина Плимптона за отклонение издать интервью, которое пролевет так немного света на Кастанеду как автора.

New Age Journal в конечном счете купил часть. Мне заплатили достаточно, чтобы восстановить мои затраты - полет, аренду автомобиля, гостиницу и изрядную плату стенографистке.

Так заканчивается моя историю. Но не полностью.

Кастанеда пообещал в тот день послать мне подписанный экземпляр его книги "Искусство сновидения". Этого не случилось. Когда я читал его некролог, я был должен принять, что этого никогда не будет.

Но что, если я был неправ относительно этого?

В конце концов, Кастанеда настаивал, что он никогда не был женат, однако судебные записи показали, что был. Он заявлял по крайней мере две различные даты рождения и места рождения. Он писал, что он отрастил клюв, превратился в ворону и научился

летать. Его свидетельство о смерти нелепо назвало его учителем средней школы.

Мог ли этот наиболее практичный из притворщиков сделать фальшивой свою собственную кончину? Даже для рассмотрения такой возможности надо было вообразить уровень двуличности, который вне моего понимания.

Хорошо, почти. Карлос, как Вы думаете, Вы можете посылать мне ту книгу?

Город Творцов